

UNIVERZITA KARLOVA
FILOZOFICKÁ FAKULTA
Ústav východoevropských studií
Ruský jazyk a literatura

Maria Travnitskaya

Вид глагола в русском и верхнелужицком языках

Bakalářská diplomová práce

Vedoucí práce: Phil. Dr. Markus Giger

Praha 2020

Prohlášení

1. Prohlašuji, že jsem bakalářskou diplomovou práci vypracovala samostatně s využitím uvedených pramenů a literatury.
2. Souhlasím s tím, aby práce byla zpřístupněna pro studijní a výzkumné účely.

V Praze dne 08.05.2020

Maria Travnitskaya

Abstrakt

Tématem dané práci je zkoumání odlišných případů použití slovesných vidových tvarů v ruštině a hornolužické srbštině. Její hlavním účelem je popsat případy použití těchto tvarů, poukázat na společné body a objevit rozdíly a rovněž pokusit se o vyhledávání důvodů pro této rozdíly. Práce bude rozdělena do dvou částí – praktickou a teoretickou. V teoretické části bude předložen obecný popis ruského vidu slovesa spolu s detailním popisem vidu slovesa v hornolužické srbštině. Dále se práce věnuje odlišnostem v jejich použití a v praktické části se zaměřuje na analýzu konkrétních příkladů. Příklady pro analýzu se čerpají z krásné literatury a zahrnují paralelní texty. V závěru se práce snaží shrnout výsledky provedené analýzy a označit témata pro další potenciální výzkum.

Poděkování

Chtěla bych poděkovat vedoucímu práce Phil. Dr. Markusu Gigerovi za jeho pomoc při zpracování tématu, čas a důležité rady.

Содержание

Введение	7
I. Теоретическая часть	11
Глава 1. Общие проблемы вида и аспектуальности. Триада вид - глагол - сознание говорящего.....	11
1.1 Вид и время	12
1.2 Некоторые из сложностей в определении категории вида и видовых оппозиций.....	14
1.3 Отграничение категории вида для данного исследования	14
1.4 Материал для исследования	16
Глава 2. Вид как признак глагола в русском языке	17
2.1 Общая характеристика и некоторые проблемы в исследовании вида русского глагола.....	17
2.2 Собственно-грамматические особенности функционирования и реализации категории вида в русском языке.....	21
2.2.1 Общая характеристика	21
2.2.2 Введение в ситуацию видовой оппозиции	21
2.2.3 Форма изъявительного наклонения группы презенс – настоящее актуальное, настоящее историческое, настоящее общефактическое	22
2.2.4 НСВ в изъявительном наклонении для описания фактов и действий, свершившихся до момента речи.....	23
2.2.5 СВ в изъявительном наклонении для описания действий, свершившихся до момента речи. Конкуренция видов	25
2.2.6 Аналитическое будущее время и его семантические поля в русском языке	26
Глава 3. Вид глагола в верхнелужицком языке	28
3.1 Необходимые замечания о верхнелужицкой системе времен.....	28
3.2 Некоторые особенности вида как признака верхнелужицкого глагола по сравнению с другими славянскими языками.....	30
3.3 Морфологические особенности, связанные с реализацией вида верхнелужицкого глагола, в сопоставлении с другими славянскими языками.....	33

3.4 Дополнительные замечания к состоянию категории вида, функционирующей в обиходном верхнелужицком языке.....	35
II. Практическая часть	37
Глава 1. Материал, методика и цели.....	37
1.1 Материал.....	37
1.2 Методика	37
1.3 Цели.....	39
Глава 2. Общий анализ	40
2.1. Оригинал произведения – русский язык	40
2.2 Перевод текста на верхнелужицкий язык.....	40
III. Заключение	43
Приложение.....	45
Список литературы.....	59

Введение.

Категория вида глагола является ключевой для русского языка, остро ощущаемой носителями и осознаваемой. Грамматические и синтаксические конструкции, присущие каждому из двух видов русского языка, настолько прочно укрепились в языке и сознании носителей, что их контаминация не представляется возможной. Даже под напором диглоссии с французским в XVIII-XIX вв. русский язык сохранил четкость противопоставления двух видов, то есть языковой контакт не смог коренным образом повлиять на эту грамматическую категорию языка.

Видовая оппозиция свойственна и другим славянским языкам, всем группам - восточнославянским, западнославянским, южнославянским. В каждом из них она имеет свои особенности, как семантические, так и грамматические в употреблении, однако всё же сохраняется. Касается это и языков меньшинств - лужицких, кашубского, силезского, русинского (закарпатского).

В самых распространенных европейских языках, однако, видовая оппозиция представлена иначе, зачастую как оппозиция небинарная - например, во французском, немецком, английском и испанском. Часть функций, аналогичных функции славянского вида, реализована аналитическими грамматическими средствами - вспомогательными элементами при образовании времени от глагола. Часть реализована морфологически - добавлением приставки или предлога для уточнения значения базовой семы. Незначительная часть реализована лексически - для двух глаголов, представляющих собой члены одной видовой оппозиции в том или ином славянском языке, переводы в неславянском будут выглядеть как два не однокоренных слова.

Вид глагола в русском языке широко и подробно рассмотрен многими исследователями¹. Множество работ посвящены как категории вида в общем, так и частным его случаям. Доступно большое количество исследований и по виду прочих славянских языков, где видовая оппозиция сохраняется, хоть её принцип в некоторых моментах отличен от оппозиции в русском языке.

Однако с языками, которые не обладают большим количеством носителей, ситуация с доступностью исследований сложнее. Такие славянские языки, как кашубский, силезский, лужицкие языки описаны и изучены гораздо менее разносторонне.

¹ См. Гл. 1 настоящей работы

Наше внимание привлекла ситуация с глаголом в верхнелужицком языке. С одной стороны, в силу особенностей исторического развития, глагол в этом языке сохранил много элементов, несвойственных другим современным западнославянским языкам: сложная система времён (аорист, имперфект, перфект), причастия и деепричастия (в литературном языке), двойственное число в личных формах. При этом процесс наблюдения за живой (устной и письменной) речью носителей современного языка показывает, что видовые формы в меньшей степени противопоставлены по грамматическим видовым признакам, если проводить аналогию с использованием параллельных форм в других славянских языках. Конкуренция форм с использованием совершенного и несовершенного видов для выражения одного и того же значения наблюдается как в сообщении о событиях прошлого, так и в речи о будущем. Это поставило перед нами ряд вопросов:

- Можем ли мы понимать славянский вид глагола исключительно как грамматическую категорию и если да, то какие морфологические особенности она определяет?
- Можем ли мы утверждать, что на данный момент формы совершенного и несовершенного видов глагола при образовании прошедших и будущих временных форм в верхнелужицком превращаются из взаимоисключающих в конкурирующие?
- Если да, то как долго продолжается этот процесс и какому стилю языка он присущ?
- Являясь категорией чисто грамматической, насколько уникальный и необходимый вносит вид вклад в общую семантику отдельно взятой словоформы? Можно ли утверждать, что на данный момент видовая оппозиция настолько потеряла связь с семантическими оппозициями, которые изначально представляла, что её вклад в лексическое значение слова стал минимальным и мы наблюдаем тенденцию к снижению значимости этой оппозиции в некоторых славянских языках?

Данная работа имеет своей целью в той или иной степени затронуть данные вопросы и, по крайней мере, сформулировать направления, проработка которых помогла бы ответы на них найти. Так же работа ставит перед собой ряд задач:

- Дать выборочный обзор представленного на данный момент освещения дискутируемых грамматических особенностей славянского глагола в целом и категории вида в частности в верхнелужицком языке в научной литературе;
- Провести сравнительный анализ ряда частных случаев употребления глаголов в русском и верхнелужицком языках (при помощи параллельного анализа переводных художественных текстов);
- Внести вклад в существующую исследовательскую литературу о верхнелужицком языке и предложить новый взгляд на ряд лингвистических аспектов и основу для дальнейшего изучения.

Мы уверены, что данная работа будет более чем актуальна, так как проблема сохранения языков национальных меньшинств на данный момент очень остро стоит перед Европейским союзом. Возрождение интереса к региональным языкам со стороны как исследователей, так и простых граждан, повышение статуса и престижности владения этими языками, привлечение новых желающих изучать язык и повышение количества носителей являются важными задачами Европейского союза². Верхнелужицкий язык имеет статус находящегося под угрозой³, поэтому мы рассматриваем данное исследование как дополнительный способ привлечь внимание к верхнелужицкому языку и культуре лужичан и тем самым поддерживать директивы ЕС о мультязычности.

Мы так же считаем, что исследование частных языковых феноменов всегда ценно и для лингвистической науки. Каждая работа, изучающая то или иное явление, проводя их сопоставление и анализ, помогает глубже проникнуть в истинную суть и природу языка как универсального феномена. Это особенно актуально на данный момент, когда появляются различные технологии, работающие с естественным языком: поисковые механизмы, распознавание голоса и голосовых команд, подсказки для ввода текста и сортировки информации, роботы-ассистенты и т.д. Ряд этих технологий реализован на основе методов машинного обучения, где чёткое понимание грамматики языка необходимо для построения наиболее точной и эффективной его математической модели.

² <http://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-589794-Regional-minority-languages-EU-FINAL.pdf> , <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1467642540319&uri=CELEX:52005DC0596>

³ Интерактивный атлас Юнеско: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> . По состоянию на январь 2020 г., имеет статус «определённо под угрозой» (англ. “definitely endangered”).

Наша работа будет содержать теоретическую и практическую части. В теоретической части мы рассмотрим уже существующие исследования глагольного вида сначала в русском, потом в верхнелужицком языке. Мы рассмотрим общее описание концепции вида в славянских языках, в частности в языках, которые нас интересуют. Рассмотрим случаи, когда глаголы из видовой пары могут быть взаимозаменяемы без потери мысли, которую желает выразить говорящий, а когда данная замена невозможна и либо будет искажать изначально задуманный смысл, либо воспринимается носителями как неверная. Затем, в практической части мы проведем сопоставительный анализ художественного текста, написанного на русском языке, и его перевода на верхнелужицкий язык. В частности, мы проследим, с помощью каких языковых средств были переведены глаголы и представим на основе этих данных сравнительную мини-статистику.

В завершение нашей работы мы постараемся обобщить результаты практической части и наложить их на основные положения, приведенные в теоретической части. Посредством данного анализа мы сможем сделать вывод, насколько наша гипотеза была верной, и наметить ключевые направления для дальнейших исследований в данной области.

I. Теоретическая часть.

Глава 1. Общие проблемы вида и аспектуальности. Триада вид - глагол - сознание говорящего.

Аспектуальность в том или ином виде широко и подробно изучается лингвистами на протяжении более столетия - как отечественными, так и зарубежными, и именно славянский вид послужил толчком к формированию аспекта как самостоятельной категории [Binnick 1991]. В силу своей широты охвата, эта тема так или иначе затрагивается исследователями из самых разных областей и разделов лингвистики. При этом за столь длительный период времени утвердились работы и авторы, которые являются в некоторой степени основополагающими для тех, кто соприкасается с видом и аспектуальностью. Ниже мы хотели бы привести их трактовку базовых положений для анализа вида и аспектуальности, вычленив в этих трактовках общие и различные элементы и дать свои комментарии на этот счёт.

На основе анализа ряда работ, посвященных виду и созданных на базе языкового материала языков различных семей ([Аркадьев 2015] [Петрухина 2000] [Маслов 1956] и др.), мы обнаружили, что точкой пересечения мнений учёных касательно корня данного явления является набор: вид, глагол, сознание говорящего. Их взаимосвязь не представляется возможным отобразить линейно или иерархически, так как в момент речи в процессе выбора и использования языкового средства они взаимодействуют многократно (хоть и молниеносно), влияя на и определяя друг друга. Мы намеренно не ставим в этот же ряд категорию времени, так как считаем её не управляющей и не объективно-независимой - как грамматически, так и по отношению к объективной реальности. Однако, наряду с некоторыми другими концептами, эта категория определяется учёными и выносится в ряд ключевых [Маслов 1956], поэтому позже мы к ней вернёмся и попытаемся выработать собственное определение.

Сознание говорящего - категория в науке спорная и дискутируемая. Ещё в середине прошлого века Ю. С. Маслов затронул взаимосвязь, сформированную нами выше: “вид связан с внутренней темпоральной структурой времени, как она понимается говорящим”. При этом он подчёркивал, что необходимо отделять язык как материал исследования от живой речи, свойственной носителю [Маслов 1956].

О важной роли говорящего упоминает и Лейман, в частности, в своей работе “Свойства и грамматическая репрезентация эпизодичности (временной локализованности)”

[Lehmann 2014]. К ней же обращается и Е. В. Петрухина в своём труде “Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками” [Петрухина 2000], в частности, когда оговаривает, что в своей работе опирается на положения когнитивной лингвистики и соглашается с рядом положений “ментальной грамматики” Дурста [Петрухина 2000 с. 37].

Понимание говорящего и его неязыкового сознания у трёх вышеупомянутых авторов во многом схоже, что даёт нам основание выделить сознание говорящего как один из факторов влияния при выборе того или иного языкового средства - в частности, глагола и его определённой видовой формы. В момент речи говорящий отражает не только и не столько объективную последовательно-временную связь между фактами, не применяет весь аппарат нормативной грамматики литературного варианта языка, а прежде всего передаёт своё ощущение. Мы считаем вычленение данного положения одним из ключевых для всего, о чём мы будем говорить далее.

Вторым элементом нашей триады мы обозначили глагол. Как упоминал ещё Ю. С. Маслов, вид может быть признаком, свойственным не только глаголу [Маслов 1956]. Такие случаи не входят в зону нашего непосредственного интереса в данной работе, поэтому мы оговариваем, что речь будет идти исключительно о виде глагола как части речи (при условии, что мы рассматриваем причастие и деепричастие как отглагольные формы).

Совершенно особое место занимает в этой связке, собственно, вид. На этом мы остановимся чуть подробнее.

1.1 Вид и время.

О необходимости выделить вид из ряда других аспектуальных категорий говорил ещё Ю. С. Маслов. Немалое внимание этому он выделяет в одном из своих “Очерков” [Маслов 1956].

По Ю. С. Маслову, вид - это указание на то, «как протекает во времени или как распределяется по времени» обозначаемое глаголом событие, которое отражает оценку говорящим временной структуры самого действия, тем самым становясь категорией субъективно-объективной, “преимущественно интерпретационной”. Ю. С. Маслов отмечает, что грамматическую категорию вида не следует пытаться принудительно “сузить” а также ассоциировать с пределом действия или такими

противопоставлениями как “линейность - точечность” и “курсивность - комплексивность”. Так же, по мнению учёного, данная категория не обязательно во всех языках будет являться бинарной.

Затрагивая семантическое поле, выражаемое посредством оппозиции “совершенный/несовершенный вид”, Ю. С. Маслов называет из числа прочих три частных значения несовершенного вида, которые находят выражение и в оппозициях других языков, основанных на других принципах. Это:

- 1) конкретно-процессное значение;
- 2) неограниченно-кратное значение;
- 3) общефактическое значение.

Учёный, в частности, приводит такие видовые оппозиции: совершенный : несовершенный вид; имперфект : аорист (два эти типа оппозиции не идентичны, по его мнению); прогрессив : непрогрессив; кратность (итеративность) : обычность.

К чуть более подробному анализу трёх этих основных значений несовершенного вида и к этим типам оппозиций нам хотелось бы вернуться далее в нашей работе.

Выше мы не выделяли время как равноправный член основополагающего набора для понимания категории вида. Однако то, что оно к этому набору примыкает, для нас не вызывает сомнений.

Время, о котором мы в этом случае говорим — это грамматическая категория, а не фактическое время в реальной действительности. На наш взгляд, наибольшая трудность при выявлении семантических групп видовых значений возникает при попытке охватить все группы времён сразу - прошедшее, настоящее и будущее. Как следствие, “ядро” значений каждого из члена оппозиции, словами Ю. С. Маслова, “разбухает”, так как ему приходится вмещать в себя их все. И, в обратном направлении, возникают “конфликты” - значения, присущие всей группе, на практике применимы только к конкретной подгруппе лексем в определенных формах.

То же касается и наклонений. Говоря о видовой оппозиции (в частности, “совершенный/несовершенный вид”), учёными в ряде случаев подразумевается изъявительное наклонение [Маслов 1956] [Петрухина 2000] [Падучева 1996]. В ряде случаев повелительное и условное наклонение уходят из поля нашего зрения. А ведь

даже при анализе глагольных форм одного только русского языка можно найти весьма мало описанные группы языковых средств в повелительном наклонении, которые существенно дополняют общую картину категории вида (например, команда как повелительное наклонение, выраженная грамматическим прошедшим временем, или сослагательное наклонение, выраженное грамматическим синтетическим будущим).

1.2 Некоторые из сложностей в определении категории вида и видовых оппозиций

Учёные, изучающие аспектуальность, в своих работах стремятся ответить, помимо прочих, на вопросы: какой же категорией является вид - грамматической, лексической, лексико-грамматической? На чём основана видовая оппозиция? Возможны ли различные типы видовых оппозиций и, если да, как их сгруппировать? Какую область значений охватывает и обслуживает каждый из видов? Как отграничить вид от других семантических и грамматических категорий?

Эти же вопросы затрагивают в своих трудах упомянутые нами выше Ю. С. Маслов [Маслов 1956], Е. В. Петрухина [Петрухина 2000], Ф. Лейман [Lehmann 2014 и др. работы]. Последние два учёных, являясь современниками, опираются на исследования друг друга и ссылаются на них.

Однако однозначного и однородного ответа никому из них до сих пор сформировать не удалось. Более того, теоретическая база для исследования вида продолжает пополняться. Так, например, Ф. Лейман в приводившейся выше работе вводит понятие эпизодичности, которое он представляет как перевод эпизодов в сеть интервалов [Lehmann 2014]. При этом, однако, он указал, что ни понятие интервалов, ни понятие сети новыми не являются.

Другая категория, от которой категория вида отделяется в исследованиях, это таксис [Маслов 1956]. Понятие таксиса вводится Ю. С. Масловым с опорой на определение, сформулированное Р. О. Якобсоном: “сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к моменту сообщения” (в частности, хронологически). При этом Ю. С. Маслов признаёт, что аспектуальное, темпоральные и таксисные значения в речи тесно сплетены “в единое семантическое целое”.

1.3 Отграничение категории вида для данного исследования

В упомянутых выше работах, равно как и в других работах процитированных и многих других авторов (напр., [Падучева 1996]), вид глагола в той или иной степени

интерпретируется как лексико-грамматическая (семантико-грамматическая) категория. Кратко осветим, какие семантические и грамматические элементы она включает в себя.

Выделяя вид как отдельный признак из общей массы совокупности аспектуальных признаков, Ю. С. Маслов добавляет, что категория вида: 1) отличается от прочих аспектуальных категорий тем, что имеет выражение в “чисто грамматическом” противопоставлении 2) может вычленяться и рассматриваться лишь в тех языках, где данный вид противопоставления представлен (т. е. вид имеет возможность быть единственной грамматической характеристикой, отличающей две семантически тождественные лексемы, сходные по прочим соответствующим грамматическим признакам). Формы выражения при этом, по мнению исследователя, могут быть как синтетическими, так и аналитическими.

Аспектуальные значения, выраженные скрытограмматически, Ю. С. Маслов разделяет на аспектуальные классы и подклассы, авторскую классификацию которых приводит далее в той же работе, чем переходит на семантическое поле функций вида [Маслов 1956].

В этой работе мы бы хотели придерживаться определения вида глагола по Ю. С. Маслову с несколькими дополнительными ограничениями. Во-первых, мы бы хотели отметить, что в нашем случае говорим о виде как о преимущественно грамматической категории. Этим мы имеем в виду, что для нас не будет играть роль семантический спектр различных видовых значений, пересечения этих спектров видов - по крайней мере, до тех пор, пока это не будет напрямую влиять на конкретную словоформу. В нашем понимании, вид глагола будет таким его признаком, который диктует парадигму его форм в рамках данной лексемы и парадигму производных от него причастий и деепричастий (так как возможность образования некоторых из них напрямую зависит от грамматического вида глагола) и ограничивает его синтаксические связи.

Во-вторых, так как в дальнейшем мы будем анализировать вид в языках одной семьи - славянских - мы исходим и в дальнейшем будем исходить из общности морфологий этих языков, сужая свои определения и формулировки.

Наконец, по мере возможности мы предпримем попытку при анализе видовой формы учитывать чисто грамматическое время данной словоформы, чтобы добиться максимальной структурированности анализа.

Данные ограничения, будучи в известной степени формалистическими, являются вынужденными, так как объём, предусмотренный для бакалаврской работы, просто не позволяет уделить должное внимание пересечению грамматического и лексико-семантического аспектов, реализованных посредством вида у глагола.

1.4 Материал для исследования

Наконец, кажется важным напомнить о широте поля исследования данного вопроса. Исследование литературного языка само по себе удобно, так как облегчает исследователю задачу. Исследуемые формы нормативны, контекст очевиден, имплицитность семантики минимальна, синтаксис распространён. Однако нельзя забывать, что, занимаясь анализом письменного материала, мы в некоторой степени игнорируем самую свою задачу. Литературные и другие письменные произведения отсекают от нас наиболее интересную часть объекта нашего исследования - живые тенденции к изменениям в языке, которые проявляются непосредственно в момент речи, ещё не пропущенной через фильтр нормативности. В последние десятилетия исследование нелитературного (разговорного языка) распространяется всё шире и становится всё легче технически реализуемым. Поэтому мы считаем привлечение языкового материала, полученного не из литературного источника не только допустимым, но и необходимым, чтобы исследователь имел максимально соответствующий действительности “срез” состояния языка на момент времени.

В качестве материала для параллельного анализа в данной работе мы использовали оригинал в сопоставлении с переводом рассказа Л. Н. Толстого, “Бог правду видит, да не скоро скажет. Во введении в практическую часть мы даём краткую сводку информации о самом рассказе, его переводе и личности переводчика (М. Шевц).

В перспективе для продолжения данного исследования мы бы хотели, чтобы был проведён полевой опрос носителей рассматриваемых языков и с предоставлением им возможности самостоятельно выбирать глагольные формы, а затем провести статистический анализ ответов респондентов.

Глава 2. Вид как признак глагола в русском языке

2.1 Общая характеристика и некоторые проблемы в исследовании вида русского глагола

В русском языке вид глагола является бинарной лексико-грамматической категорией, что на данный момент безусловно принято большинством исследователей [Падучева 1996] [Петрухина 2000]. Классической считается оппозиция несовершенный вид (НСВ) : совершенный вид (СВ), на которую и мы будем опираться в данной работе.

Формы несовершенного вида в лингвистике принято считать не маркированными, формы совершенного вида – напротив, маркированными [Маслов, 1984].

Рядом исследователей поддерживается постулат о том, что подавляющее большинство глаголов в русском языке представлено (как минимум) двумя парадигмами – совершенного и несовершенного вида [Петрухина 2000] [Падучева 1996] [Lehmann]. Разные исследователи по-разному воспринимают и описывают данное явление: кто-то трактует такие глаголы как одну семантическую единицу в нескольких грамматических реализациях [Маслов 1984], кто-то воспринимает каждый член данной оппозиции как самостоятельную лексему, состоящую в определенных лексико-грамматических отношениях с другим её членом [Петрухина 2000]. Некоторые исследователи, порой параллельно с каким-то иным подходом к анализу данного аспекта, не только признают члены видовой оппозиции отдельными лексическими единицами, но ещё и «дробят» полисемичную лексему на семы, выдвигая идею о том, что то или иное значение будет иметь ту или иную пару или не иметь её вовсе [Маслов 1984, Падучева 1996]. Независимо от взглядов на данное языковое явление, абсолютно все исследователи сходятся в том, что связь между членами видовых оппозиций безусловно прослеживается и должна иметь некое фундаментальное объяснение. Поиски этого объяснения, как и поиски универсальной формулировки видовой оппозиции как таковой, встречают определенные трудности, которые мы считаем целесообразным для данной работы кратко осветить.

Прежде всего, нет однозначного ответа на вопрос, что мы имеем право считать «видовой парой» (термин, общепринятый в аспектуальной литературе – [Петрухина 2000]). Проанализировав существующие на данный момент исследования по данной теме, можно обнаружить, в чём взгляды исследователей принципиально сходятся (при некоторых возможных расхождениях в терминологии). Если пользоваться «полевым»

типом модели, предложенным Е. В. Петрухиной, то мы можем выделить некое ядро широко признанных видовых пар глаголов, семантически не противопоставленных никак, кроме как по оттенку, определяемому видом. Эти формы различаются по морфемному составу лишь наличием/отсутствием «пустой морфемы» - морфемы, которая не имеет собственного лексического или грамматического значения, и, появляясь в слове, изменяет какой-то один его признак, в нашем случае – вид. Это могут быть такие пары и тройки, как: сесть – сидеть – садиться, лечь – лежать – ложиться и т. д. Однако это ставит перед нами вопрос, в каких случаях тогда мы имеем право считать образующими пары глаголы, образованные путём суффиксации и префиксации. Часто добавление «непустой» морфемы влияет на семантику мотивирующей лексемы и перестраивает синтагматические связи так сильно, что деривированную форму уже невозможно считать членом оппозиции (формой глагола, противопоставленной по видовому признаку) и она становится полновесной новой лексемой.

Достаточно подробно проблему парности рассмотрел в своих «Очерках» Ю. С. Маслов, опираясь на уже существовавшие в этой области наработки А. А. Шахматова [Маслов, 1984]. Ю. С. Маслов категорически не соглашается с формалистическим подходом, предложенным его предшественниками. Он указывает на неэффективность учёта исключительно грамматических признаков глагола при попытке встроить его в видовую пару и предлагает взамен перенести критерии для составления видовых пар в семантическое поле. Значение, заключенное в слове по отношению к реальной действительности, для Ю. С. Маслова становится главным фактором, объясняющим степень допустимости существования лексемы с данной семантикой в одной или двух видовых формах.

Также Ю. С. Маслову удаётся сформировать критерий, который позволяет находить видовые пары для глаголов. Он формулирует его как «перевод глагола СВ из формы прошедшего времени в форму настоящего исторического». При таком «перевод», по мысли учёного, по умолчанию будет сохранена семантика лексемы и контекст, и грамматическое преобразование не нарушит их, выполняя свою единственную задачу – изменение временной формы и сопутствующее необходимое изменение вида. Применяя данный метод, исследователь успешно доказывает, что парами являются и такие комбинации, как «сказать/говорить» и «ловить/поймать» при их исторически сложившейся супплетивности.

Будучи эффективным в ряде случаев, данный метод всё же не может быть назван универсальным. По этой причине он оказывается недостаточно надёжным инструментом для того, чтобы разрешить следующий привлекающий научное внимание момент при описании и анализе категории вида. Этим моментом становится попытка очертить круг обслуживаемых видами значений, о чём уже упоминалось в Главе 1 настоящей работы. Определить, где члены видовой пары различаются только оттенком значения, привнесённым грамматическим признаком – другим видом, – а где вид вносит настолько сильный семантический сдвиг, что перед нами новая лексема, однозначно, представляется затруднительным. Эта проблема и является продолжением предыдущей, и параллельна ей, что можно заметить, и анализируя исследования учёных в данной области. Так, например, развивая идею своего метода и на основе его классифицируя глаголы по признаку видовой парности/непарности, Ю. С. Маслов предлагает свой вариант решения этой задачи и приводит авторскую классификацию глаголов НСВ. Там он указывает, помимо прочих, в качестве непарных глаголов НСВ «писать» (как «обозначающий род занятий»: «она пишет для журнала») и «ходить» (как «глагол неопределённого движения»). Однако данное распределение вполне может быть дискутируемо: с точки зрения носителя русского языка, основание для того, чтобы значение глаголов типа «писать» как «род деятельности» интерпретировалось как отделяющее данный глагол от ряда других его значений, имеющих пару, а не как одно из маркированных значений, грамматикализованных посредством НСВ и невозможных при употреблении формы СВ, не является абсолютно убедительным. Также затруднительно однозначно определить, что именно имеется в виду, когда глагол «ходить» объявляется непарным (и о какой группе времен в таком случае мы говорим), так как существует глагол «проходить» со значением «провести некоторое количество времени в состоянии неопределённого движения», заключающий в себе элемент предельности (а также глагол «сходить» для значения «посещать»). Для Ю. С. Маслова, однако, ответы на данные замечания безусловно заключены непосредственно в семантике слова, что он подробно поясняет после описания данной группы глаголов: все они обладают «невозможностью моментализации» и «внутренней беспредельностью процессов». Более поздние исследователи, однако, предлагают альтернативные видения данного аспекта, также заслуживающие внимания [Падучева 1996]. К ним мы вернёмся ниже.

Из предыдущих двух проблем формируется следующий не разрешённый до конца исследователями вопрос. Как определить границу между конкуренцией и взаимоисключением у членов видовой пары с наибольшей точностью? Что позволяет нам в каждом конкретном случае говорить о том, что в данном высказывании мы можем использовать глагольную форму каждого из видов, при этом абсолютно сохраняя грамматический строй и семантику – в то время как в другом высказывании это невозможно, и допустимо использование только конкретной видовой формы?

Детально проработанный подход к этой проблеме предлагает Е. В. Падучева в своей книге «Семантика времени и вида в русском языке» (гл. 4, «О так называемой конкуренции видов») [Падучева 1996]. Анализируя архетипические контексты, в которых возможно употребление глагола как НСВ, так и СВ, Е. В. Падучева стремится провести семантическую границу между подобными друг другу высказываниями, использующими противопоставленные по виду глаголы. Среди факторов, делающих в указанных контекстах члены видовой оппозиции не абсолютно синонимичными, Е. В. Падучева указывает: коммуникативное членение, статус результативного компонента, разобщенность действия с моментом речи, кратность и неопределенность времени завершения.

Тем не менее, с точки зрения носителя языка некоторые из примеров Е. В. Падучевой могут трактоваться иначе, нежели указано самой исследовательницей. Так, в примере 12 (а, б) учёный говорит о разнице в теме, выраженной глаголом: по её мнению, НСВ выражает «сам процесс написания статьи», а СВ – «результат действия». Стоит, однако, отметить, что при контекстуально-семантическом анализе данных примеров среднестатистический носитель русского литературного языка с высокой долей вероятности признает в каждом из них равноценным использование любого вида глагола «писать/написать». Это же может относиться и к некоторым другим примерам в цитируемой работе – безусловно, с оговоркой о субъективности данного замечания. Но сама по себе возможность наличия более чем одного взгляда на данный вопрос и более чем одной трактовки (толкования, по названию метода Е. В. Падучевой [Падучева 1996]) потенциальных значений различных видовых форм лишь подчёркивает необходимость сформировать более чёткие и однозначные критерии для проведения границы между конкуренцией и взаимоисключением между ними.

2.2 Собственно-грамматические особенности функционирования и реализации категории вида в русском языке

2.2.1 Общая характеристика

Если область семантических полей, обслуживаемых/реализованных видами, подвергается самым разнообразным описаниям и толкованиям, то в описании собственно-грамматических особенностей использования глагола в каждом из видов исследователи в целом сходятся.

Подтверждена мысль о том, что в русском языке вид имеет более высокую степень грамматичности, чем в западнославянских. [Петрухина 2000]. Характерной особенностью русского языка является строгая формализация и регуляция связей между видом глагола и его парадигмой форм. НСВ в этом отношении снова проявляет себя как «универсальный», немаркированный член этой оппозиции, будучи представленным во всех возможных грамматических формах, включая настоящее актуальное и активные причастия и деепричастия настоящего времени, будущее время при этом образуется аналитическим способом. Парадигма же глагола СВ в русском языке указанных форм лишена, однако располагает синтетическим будущим временем и в то же время строгим запретом на аналитический вариант будущего времени. Более того, при ближайшем рассмотрении можно обнаружить другие ограничения, которые накладываются на глагол его видом при анализе его синтагматических связей в предложении.

2.2.2 Введение в ситуацию видовой оппозиции

В рамках изъявительного наклонения, семантико-грамматическое настоящее время, как мы говорили выше, возможно только для глаголов НСВ. Семантически границы использования данных форм простираются ещё шире: НСВ активно конкурирует с прошедшим СВ посредством настоящего исторического (с рядом оговорок, альтернативный взгляд на явление – см. [Падучева 1996]) и с синтетическим будущим, присущим СВ, посредством настоящего предстоящего действия (по Падучевой). Отчасти мы представили взгляд на проблему такого рода видовой конкуренции у исследователей (Петрухина, Падучева). Взгляды эти, будучи в некоторых аспектах сходными, в то же время во многом разнятся, что оставляет для нас актуальным вопрос границы между конкуренцией и взаимоисключением видовых форм (см. 2.1). При всём при этом, есть чётко очерченная область, которая обслуживается исключительно СВ, и

область, обслуживаемая исключительно НСВ. Синтезируя уже цитированные нами выше работы на данную тему, можно утверждать, что эти непересекающиеся области очерчены несколькими критериями одновременно: семантически – значением глагола в объективной реальности; когнитивно – восприятие данных действий говорящим; синтагматически – наличие того или иного элемента в предложении накладывает определенные ограничения и тем самым диктует вид глагола (и, наоборот, выбор видовой формы «требует» добавления определённого элемента, оправдывающего использование именно её).

2.2.3 Форма изъявительного наклонения группы презенс – настоящее актуальное, настоящее историческое, настоящее общефактическое

При описании плоскости настоящего времени мы считаем важным указать, что мы понимаем под этим термином. Исторически в русском языке сложилась ситуация, в которой парадигмы глаголов СВ и НСВ используют одни и те же окончания для личных не прошедших форм, и они именуется «окончаниями настоящего времени». В данной работе при описании и использовании категории глагольного времени под настоящим временем мы подразумеваем не только форму, имеющую личное окончание настоящего времени, но и форму, которая, по Е. В. Падучевой, непосредственно привязана к точке отсчёта (моменту речи) – то есть обозначает действие, либо происходящее во время её (параллельно ей, актуальное значение), либо регулярно относительно неё (кратное и общефактическое значения). Данное замечание видится существенным в особенности для анализа материала русского языка в сопоставлении с западнославянскими языками (подробно см. [Петрухина 2000]) и обозначает, что в данном случае мы не придерживаемся терминологии, используемой некоторыми исследователями [Pazourova 2018 с. 69].

Грамматическое настоящее время в русском языке – тот самый маркер, который позволяет нам формально отделить категорию НСВ от СВ. Безусловное отличие НСВ как грамматического признака от СВ, где никакая конкуренция невозможна, заключается в том, что глаголы НСВ обслуживают указанную выше область времени течения действия – действия, происходящие непосредственно в момент речи, состояния, актуальные на момент речи и действия, происходящие регулярно и не переставшие повторяться ещё к моменту речи.

При более детальном изучении всю объёмную категорию НСВ можно далее разделить, применяя различные подходы и критерии: например, формалистический (по наличию какой-либо морфемы, например, суффикса итеративности –ыва/-ива), семантический, когнитивный, синтагматический (сочетание глаголов с определёнными обстоятельствами, указателями и квантификаторами, а также невозможность такого сочетания) или какой-либо другой. Наиболее частотные категории употреблений, однако, входят в семантические категории, упомянутые нами ранее. Все они объединены тем, что заменить в них используемый глагол на противоположный по видовому признаку при полном (или максимально близком) семантическом тождестве итогового высказывания изменяемому невозможно.

Как мы писали выше, из всех значений НСВ ещё Ю. С. Маслов выделил три частных семантических категории, включающих в себя преобладающее количество глаголов русского языка: конкретно-процессное значение; неограниченно-кратное значение; общефактическое значение. Все они в полной мере представлены в формах времен группы презенс, о чём учёный подробно говорит в своих «Очерках» [Маслов 1984].

2.2.4 НСВ в изъявительном наклонении для описания фактов и действий, свершившихся до момента речи

В отличие от области непосредственно близкой моменту речи, для фактов, свершившихся до его наступления, мы можем применять как СВ, так и НСВ. Формы прошедшего времени формально общие для глаголов обоих видов и образуются посредством добавления форманта «-л» к глагольной основе и родового окончания/окончания числа; вспомогательный глагол «быть» в формах прошедшего времени не используется, что даёт нам право называть это время в русском языке синтетическим; формы, аналогичные или производные от аориста, плюсквамперфекта и имперфекта, присутствующие в других славянских языках, так же утрачены.

Возможно, именно их потеря обусловила такое семантическое разнообразие при столь унифицированно выраженной грамматикализации категории прошлого.

Предпринимались разные попытки классифицировать значения НСВ в прошедшем времени [Маслов 1984, Петрухина 2000, Падучева 1996]. Классификации эти сочетали в подходе несколько критериев, однако не ограничивались одним лишь прошедшим временем, а лишь затрагивали его в рамках описания совершенного вида в целом. На наш взгляд, вопрос отделения прошедших форм от настоящих принципиален, так как

семантика, присущая НСВ в настоящем, далеко не в полном объёме переносится в прошедшее, и наоборот – у ряда глаголов НСВ в прошедшем появляются значения и связи, не присущие им в форме настоящего времени [Падучева 2010, с. 152].

По обобщающей классификации, приведённой в работе Е. В. Падучевой, основные значения глаголов НСВ в форме прошедшего времени – это общефактическое, уступающее ему актуально-длительное и узуальное. Среди них «собственно-несовершенными» - то есть такими, в которых НСВ не находится в ситуации конкуренции с глаголом СВ – являются следующие подкатегории: (1) актуально-длительное, (2) континуальное, (3) постоянно-непрерывное, (4) узуальное, (5) потенциальное, (6) многократное, (7) общефактическое неопределённое. Прочитав (с необходимыми изменениями) примеры и подставим в них соответствующие глаголы СВ:

- (1) А) Однажды летним утром они **подходили** к проходной [, и погода была чудесной].
Б) * Однажды летним утром они **подошли** к проходной [, и погода была чудесной].
- (2) А) Она работала в университете [, но не чувствовала себя там на месте].
Б) *Она проработала/отработала университете [, но не чувствовала себя там на месте].
- (3) А) Окна гостиницы выходили на юг.
Б) *Окна гостиницы вышли на юг.
- (4) А) Каждое утро он открывал окно.
Б) *Каждое утро он открыл окно.
- (5) А) Хороший был слесарь: любые замки открывал.
Б) *Хороший был слесарь: любые замки открыл.
- (6) А) Зачем ты каждую минуту открывал окно?
Б) *Зачем ты каждую минуту открыл окно?
- (7) А) Где мои ключи? Они лежали на столе.
Б) Где мои ключи? *Они легли на стол/полежали на столе.

Во всех этих частных значениях НСВ выступает как грамматикализованная реализация соответствующего семантического аспекта. Таким образом, НСВ, несмотря на широту реализуемых значений, каким-то образом объединяет их все, являясь единственным

возможным средством их выражения. Существенным является и то, что мы привели целые предложения, местами дополнительно их распространив (но при этом попытавшись избежать лексических указателей). Контекстуальный и синтаксический факторы оказывают ключевое влияние как на выбор грамматической формы, так и на формирование семантики используемой лексики, а из сформированной в этом взаимодействии семантики рождается видовое значение, в свою очередь, формирующее категорию.

2.2.5 СВ в изъявительном наклонении для описания действий, свершившихся до момента речи. Конкуренция видов

Посредством короткого обзора, данного выше, мы обозначили диапазон направлений, в которых могут простираются семантические категории НСВ. При этом мы намеренно сделали акцент на тех из них, для выражения которых ни в коем случае не может использоваться СВ без радикального изменения смысла первоначального высказывания либо без необходимости вносить существенные изменения в предложение для сохранения этого смысла.

Если добавить к этому диапазону область значений, которая может быть выражена посредством глагола как СВ, так и НСВ, доля охватываемых НСВ значений становится подавляющей. Тем самым формируется совсем узкий класс значений, для выражения которых облигаторным и единственным вариантом является СВ.

Глаголы СВ, помимо общей грамматической реализации, так же имеют общий семантический признак, распространяющийся на значимое большинство глаголов данной категории. Ю. С. Маслов формулирует его как «появление состояния, которого не было до момента совершения действия» [Маслов 1984], Е. В. Падучева – как инцептивный компонент (со ссылками на Wierzbicka и Гловинскую), компонент вида «началось Р, где Р – состояние или деятельность» [Падучева 1996].

Действительно, глагол СВ в обязательном порядке как бы разделяет время повествования на два участка – неопределенно долгий промежуток до момента выполнения действия, обозначаемого данным глаголом, и после него, – и знаменует собой наступление нового состояния действительности – с результатами выполненного действия. Это свойство СВ делает его не подлежащим замене в таких случаях использования как: значение мгновенности (прыгнул, моргнул), значение результативности в утвердительном предложении (напечатал материалы), нарратив

(описание предельных действий, свершившихся в очерченный временной промежуток в прошлом одно за другим: приехала, поступила, закончила, устроилась).

Достаточно рассмотреть примеры⁴:

- **Я прыгал в воду, и плеск распугал всех окрестных птиц, прятавшихся в деревьях на берегу.*
- **Мы переезжали в Москву и стало понятно, что жизнь там не такая лёгкая, как нам казалось. Мы находили работу, снимали квартиру и тут познакомилась с человеком, который всё для нас изменял.*
- **Я покупал яйца и муку, теперь можно испечь вкусный кекс.*

При этом, как уже несколько раз нами оговаривалось, существует ряд областей значений, которые могут быть выражены как СВ, так и НСВ. Особенно ярко выраженной эта конкуренция становится, когда в наш анализ к материалу утвердительных предложений и изъявительного наклонения добавляются: вопросительные предложения, отрицания, условные конструкции. Данное явление широко описано у цитируемых нами исследователей [Падучева 1996] [Петрухина 2000]. С точки зрения нашего исследования такие ситуации, где оба вида возможны и находятся в оппозиции, менее однозначны и требуют детального анализа, учитывающего все возможные «внешние» и «внутренние» факторы.

2.2.6 Аналитическое будущее время и его семантические поля в русском языке

Как мы уже оговаривали ранее, русский язык накладывает строгий запрет на образование аналитического будущего времени от глагола СВ (**буду сделать/буду сделаю*). В качестве одной из возможных причин такого пути развития этой категории видится целесообразным рассмотреть существование в языковом сознании носителя инварианты значения для каждого из видов. Можно предположить, инварианта «изменение состояния», присущая СВ, настолько маркирована, что сам по себе СВ уже выступает как в достаточной мере грамматикализованное средство для выражения резкого изменения в будущем и тем самым «отталкивает» от себя аналитические вспомогательные средства (глагол «быть»), использование которых будет избыточным.

Ведущее значение аналитической формы будущего времени – это будущее-длительное и будущее-общефактическое. Немаловажным является то, что, выражая какое-либо

⁴ Примеры авторские - Травницкая М. А.

событие после момента речи, НСВ самостоятельно не включает в себе ни близость наступления момента, когда действие глагола будет выполнено, ни вероятность завершения действия в обозримой перспективе. Именно в форме будущего времени НСВ на первый план выступает его процессуальность действия, определяя как сферу употребления, так и синтаксические связи глагола.

Глава 3. Вид глагола в верхнелужицком языке

3.1 Необходимые замечания о верхнелужицкой системе времен

Верхнелужицкий язык выделяется среди других западнославянских языков сохранившейся распространённой архаичной системой претеритных времён [Faska 2003]. Располагая одним настоящим и одним будущим (в аналитическом и синтетическом вариантах), литературный верхнелужицкий так же имеет перфект, аорист (*preteritum*), плюсквамперфект, имперфект (*interatiwny preteritum*). Приведем краткие характеристики прошедших времён, изложенные в грамматике *Pučnik po hornjoserbsčinje*, [Faska 2003].

Перфект в верхнелужицком языке образуется аналитически, путём образования от инфинитива глагола I-причастия и использования его с соответствующей личной формой настоящего времени глагола *być*: *sym pisal*. Примечательно, что, несмотря на название, форма возможна от глаголов, традиционно классифицируемых как глаголы НСВ наравне с глаголами СВ,

Аорист образуется синтетически, посредством добавления к основе перфекта соответствующего личного окончания аориста: *napisać – napisach*. По Ю. Маслову, аорист для ряда языков выступает антагонистом имперфекта, частично обладая перфективной семантикой, но при этом охватывая более широкий семантический диапазон. Однако чуть позже мы увидим, что узус аориста в в.-л. языке позволяет проиллюстрировать несколько иную трактовку его использования, не полностью вписывающуюся в данное противопоставление.

Имперфект образуется синтетически, от основы презенса глагола с добавлением характерного окончания имперфекта: *znać – znaješe*.

Плюсквамперфект так же образуется аналитически, посредством образования от инфинитива глагола I-причастия и личной формы аориста от глагола *być*: *běch pisal*.

Ю. С. Маслов в своих «Очерках» указывал, что категория вида не обязательно должна быть во всех языках бинарной, что она может предусматривать несколько оппозиций, вдобавок взаимно пересекающихся [Маслов 1984]. Достаточно подробно он также сравнивает оппозиции СВ : НСВ и аорист : имперфект. Наличие столь распространённой системы прошедших времён в верхнелужицком языке гипотетически бы как нельзя лучше подходило для распределения типичных видовых функций

славянских глаголов и сохранения чётких оппозиций (предельность-непредельность, однократность-многократность, мгновенность-процессуальность).

Однако, как показывают исследования на протяжении последних 100 с лишним лет (начиная от Л. С. Щербы [Щерба 1915]), узус верхнелужицкого языка переосмыслил древнюю систему под влиянием ряда факторов. Данный вопрос подробно рассмотрен, в частности, такими учёными, как Л. Шольц [Scholz 2007], П. Аркадьев [Аркадьев 2015] и К. Бранкачек [Brankačec 2009, 2012]. Так, ими отмечено, что на текущий момент имеют место два варианта верхнелужицкого языка: литературный верхнелужицкий и «обиходный» верхнелужицкий (термин П. Аркадьева) [Аркадьев 2015, Scholz 2007], между которыми прослеживаются довольно яркие расхождения – в частности, в вопросе употребления глагольных временных и видовых форм. Обнаружение данных расхождений в процессе общения с носителями в-л. параллельно с изучением языка изначально стало одним из ключевых факторов, привлёкших наше внимание и послуживших импульсом к написанию данной работы.

Основной тенденцией, наблюдаемой исследователями, является снижение частоты использования имперфекта и аориста для описания сферы прошлого в «обиходном языке» и вытеснение этих форм формами перфекта [Werner 1996]. Данное явление тесно сопряжено с перераспределением видовых функций и видоизменением форм и степени их грамматикализации, о чём подробнее мы будем говорить ниже. Не менее интересную ситуацию отмечают учёные и в сфере описания категории будущего: формы аналитического будущего времени, судя по всему, начинают преобладать над прототипическими (с точки зрения славянской морфологии) синтетическими, расширяют сферу своего образования, в то время как формы грамматического будущего времени превращаются в формы настоящего хабитуального [Scholz 2007].

Причины данных явлений прослеживаются и могут быть найдены в вышеупомянутых работах. Определённая роль отводится непрерывному языковому контакту с немецким языком, чья система времён значительно отличается от системы славянских языков, в частности, от системы литературного верхнелужицкого [Scholz 2007]. Так же, касаясь вопроса грамматической реализации категории прошлого П. Аркадьев, в частности, указывает, что процесс утраты разветвлённых прошедших времён с сохранением одного лишь перфекта (и как следствие переосмысление перфекта как грамматического

времени и формирование вторичной грамматикализации вида внутри него) является неизбежным этапом исторического развития всех славянских языков [Аркадьев 2015].

В совокупности обозначившиеся в обиходном в-л. тенденции создают перед нами довольно любопытную картину. Формирующаяся (сформировавшаяся) синхронная система времён предлагает новое восприятие категории вида глагола и создаёт предпосылку для особой позиции в-л. среди всех славянских языков.

3.2 Некоторые особенности вида как признака верхнелужицкого глагола по сравнению с другими славянскими языками

При анализе лексического состава глаголов в в.-л. в сопоставлении с другими славянскими языками, исследователи наблюдают известное сходство в лексическом ядре данной части речи. Верхнелужицкий язык имеет эквиваленты для немалой части глаголов в других славянских языках, чей путь развития от общего с этими глаголами старославянского предка явно прослеживается, семантика деривата так же сохраняет первоначальную семантику исходной лексемы и является либо прямым переводом своего когната из какого-либо другого славянского языка, либо выражает близкое ему значение [Маначурян 2015]. Данное состояние является вполне достаточной предпосылкой для того, чтобы при этом глаголы этого «общеславянского» ядра сохраняли и такой существенный грамматический признак, как вид – вместе со всеми условиями и ограничениями для функционирования глагола, который он накладывает. И в зафиксированной норме литературного языка мы действительно можем наблюдать утверждение данного положения [Трофимович 1976].

В современных грамматиках верхнелужицкого языка при характеристике глагола вид указывается как его постоянный признак [Faska : 2003]. В частности, утверждает грамматика, именно вид диктует, образование каких временных форм возможно от данного глагола. При этом оговаривается, что не все глаголы представлены как члены видовых пар: «Nic wšitky werba maja formy wobeju aspektow. Někotre werby su jenož perfektiwne, wone nemaja a networja žane imperfektiwne wotpowědniki». При описании способов образования времен даётся чёткое указание, от глаголов какого вида данное время образуется. И именно данной грамматикой мы руководствовались, приводя выше список прошедших времён в верхнелужицком языке (далее – в.-л.) с примерами.

Однако, как мы уже упоминали выше, ряд исследователей при этом отмечает, что между нормой, зафиксированной для литературного языка, и повседневным узусом, наблюдаются существенные различия [Аркадьев 2015, Zdobinský 2016, Scholze 2007].

Тенденция к сужению парадигмы времён глагола в обиходном в.-л., описанная в предыдущем разделе данной главы, привела к нетипичному для славянских языков результату. Во-первых, сформировалась группа двувидовых глаголов, которые, помимо симплексов, включают в себя «глаголы, образованные с помощью приставки от глагола НСВ в случае, если новый глагол не выражает какого-то особенного, нового характера действия» [Faska 2003]. По наблюдениям ряда лингвистов, вид глагола перестал играть детерминирующую роль для возможности образования от него той или иной формы времени – удалось найти и задокументировать примеры образования аориста от глаголов прототипического НСВ и имперфекта от глаголов прототипического СВ, а также примеры аналитического будущего времени с глаголами прототипического СВ [Scholz 2007].

Введение авторского определения «прототипический» (по аналогии с термином «прототипический глагол» у Е. В. Петрухиной) для совершенного/несовершенного видов при описании данного явления в современном в.-л. языке мы считаем вынужденной, но необходимой мерой. Изучение существующих трудов на эту тему само по себе формирует достаточные основания для появления такого рода термина. К. Бранкачек в своей работе “Vid v hornolužické srbštině” [Brankačec 2009] вовсе ставит под вопрос наличие вида как категории в в.-л. языке (см. „Máme v lužické srbštině vid jako gramatickou kategorii?“ [Brankačec 2009]). Исследовательница подмечает, что в отношении в.-л. вида существуют две полярные точки зрения: восприятие вида как категории грамматической или как категории лексической. В своей исторической справке по существующим работам на данную тему, К. Бранкачек приходит к тезису о том, что вид в в.-л. «грамматикализован лишь частично». Она отмечает также тенденцию к двувидовости приставочных глаголов и определённые трудности в их вторичной реимперфективизации. Крайне ценной с нашей точки зрения является и полемика с грамматикой Фаски и его утверждением о высокой степени грамматикализации в.-л. вида, аргументированная весьма исчерпывающим исследованием Л. Шольц [Scholz 2007].

Столь чётко выраженная позиция К. Бранкачкец, а так же детально проработанные исследования других учёных [Scholz 2007, Toops, Падучева 1996, Аркадьев 2015] с привлечением богатого, а главное – актуального, языкового материала формируют явные предпосылки для пересмотра обозначения и классификации категории в.-л. вида в целом. При всём этом, в.-л. язык безусловно воспринимается и рассматривается в контексте родственных ему славянских языков, что формирует у исследователей определённое направление гипотез и ожиданий (в связи с чем выше мы подчеркнули общность лексического глагольного ядра). Мы предполагаем, что уместно говорить о двух подходах к описанию категории вида в в.-л. языке.

С одной стороны, мы наблюдаем широко принятый подход, сформированный на основе анализа других славянских языков, не подверженных такому долгосрочному и интенсивному влиянию не-славянского языка с радикально другой (либо отсутствующей) видовой системой [Маслов 1984б Падучева 1996, Петрухина 2000]. Этот подход зачастую имеет объектом литературный (т. е. кодифицированный и используемый в письменных формах) в.-л. язык. Глаголы в нём воспринимаются как разделённые на глаголы СВ и НСВ, определение вида чаще всего основано на виде когната данного глагола в другом славянском языке либо на его морфемном составе (реже – лексическом значении). Поэтому более чем логично, что при этом подходе использование вида в форме, недопустимой для другого славянского языка, и противоречащей зафиксированной в грамматике норме, аттестируется как ненормативное и противоречащее грамматическим ограничениям, накладываемым видом.

Однако, если мы рассмотрим «обиходный в.-л.» как синхронный вариант в.-л. языка, который, несмотря на отсутствие актуальных грамматик, задокументирован и частично исследован, мы можем выработать альтернативный взгляд на сложившуюся ситуацию. Признавая диахроническую связь в.-л. с другими славянскими языками и продолжая считать его языком западной славянской группы, мы можем принять современное состояние за точку отсчёта и абстрагироваться от значений глаголов, напоминающих нам сходные глаголы в родственных языках, имеющие грамматический вид, а также от морфем, которые имеют перфективирующую или имперфективирующую функцию в других славянских языках – так как зачастую в в.-л. они её утратили. При таком подходе мы, для сохранения чёткости и научной преемственности анализа, можем называть глаголы, которые при предыдущем подходе бы именовались глаголами СВ и

НСВ, глаголами прототипического СВ и прототипического НСВ соответственно. Введение данного определения бы существенно облегчило отделение языка в его историческом развитии от него же в синхронном состоянии для исследовательских целей. При использовании такого подхода исследователь получает возможность без каких-либо рисков терминологической неточности называть глаголы, которые имеют ярко выраженные видовые признаки в современном «обиходном» в.-л., соответствующими терминами, уже без добавления определения «прототипический».

Таким образом, выбор термина «прототипический» вполне условен и объясняется главным образом нахождением в.-л. в славянской языковой семье, которое определённым образом влияет на способ анализа и интерпретации вида в в.-л. исследователями. Возможно, позже, если данный подход будет иметь сторонников, будет подобран более подходящий термин, который будет лучше отражать его задачу. Введение его, тем не менее, мы вынуждены себе позволить, так как стремимся к максимально последовательному и однозначному изложению и анализу.

3.3 Морфологические особенности, связанные с реализацией вида верхнелужицкого глагола, в сопоставлении с другими славянскими языками

Для славянских языков всех ветвей характерен богатый морфемный аппарат не только для формо-, но и для словообразования. Это обусловлено высокой степенью их синтетичности и тенденцией к лексикализации оттенков значений. Этот факт выступает на первый план при анализе категории вида в славянских языках. Вопрос взаимосвязи семантики морфем, процессов словообразования и вида живо волнует исследователей и вызывает бурную полемику (Петрухина 2000, Падучева 1996, Маслов 1986, Аркадьев 2015). Однако до тех пор, пока эти дискуссии затрагивают «крупные» славянские языки, их предметом является глагол, образованный синтетически посредством суффиксации, префиксации или суффиксально-префиксальным способом и являющийся целостной лексической единицей.

Верхнелужицкий язык, в особенности «обиходный» его вариант, обнаруживает у своих глаголов феномен, получивший в литературе название «отделяемые приставки» - по аналогии с такими приставками в немецком языке [Brankaškes 2009; Аркадьев 2015]. В литературе можно так же встретить для них название «глагольные частицы»/ «slovesné částice», предлоги, наречия направления. Несмотря на то, что морфологический статус этих элементов дискутируем, их реализация в языке стабильна и описана [Brankaškes

2009, 2019]. Эти частицы представляют собой указатель направления, омонимичный наречию, предлогу или морфеме с аналогичным значением, который ни на письме, ни в устной речи не будет в обязательном порядке употребляться перед глаголом и оставаться неотделимым от него. С немецким аналогом данный элемент имеет общее, таким образом, не только название, но и функцию, и её реализацию.

Объёмное и подробное исследование К. Бранкачек, посвящённое отделяемым префиксам в.-л. глаголов, предлагает ряд ценных находок, вносящих важные дополнения в образ в.-л. языка [Brankačec 2009]. Прежде всего, отмечается историчность данного явления: глаголы с «отделяемыми приставками», по семантике аналогичные синонимичным приставочным глаголам, обнаруживаются уже в переводе Библии на в.-л. в 1728 г. При этом волна национального возрождения, а именно подъём пуристических воззрений в рамках неё, негативно повлияло на данный феномен – воспринимавшиеся как прямой результат воздействия языкового контакта с немецким, «частичные глаголы» (*časticová slovesa*, термин К. Бранкачек) стали повсеместно вытесняться их приставочными эквивалентами, воспринимавшимися как «исконные», подтверждая чему исследовательница нашла в более позднем переводе Библии. Тем не менее, этот шаг не снизил степень зависимости в.-л. словообразования от словообразования немецкого – напротив, в ряде случаев в.-л. словообразование идёт вслед за немецким (в качестве примера приводится глагольная частица, которая соответствует т.н. двойным частицам локальной реляции в немецком и несколько других частных случаях). Ещё один крайне ценный для нас вывод, к которому приходит К. Бранкачек в своей работе, гласит, что изученный и изложенный в работе материал не позволяет заявить о перфективирующей функции глагольных частиц в в.-л. Примечательным данное наблюдение делает тот факт, что в других славянских языках префиксация часто является средством перфективации глагола (либо словообразовательным средством, с помощью которого получается глагол СВ), а глагольные частицы, как мы указывали выше, функционировали в качестве «отделяемых приставок», что вполне могло бы служить предпосылкой для сохранения и этой грамматической функции приставки.

Ранее эту же мысль подтвердил и Гэри Тупс для современного в.-л.: *Jako přindžech, džeše Jan runje z doma won*. Несмотря на то, что *won hić* должен рассматриваться как частичный (т. е. имеющий частицу) эквивалент *wińć*, который является глаголом прототипического СВ, в контексте он явно имеет процессуально-длительное значение.

В процессе обобщения материала Г. Тупс приходит к выводу о том, что глаголы с «отделяемыми приставками» заняли доминирующее положение как минимум в семантической области движения, практически подавив глаголы приставочные, в результате чего видовая оппозиция (в прототипическом её варианте, по нашей терминологии) оказалась утрачена. [Тоорс 1992]

Вдобавок есть основания заключить, что тенденция эта распространилась и на сами приставки, так как, по некоторым данным, в обиходной версии языка фиксируется имперфективное употребление провербных глаголов [Аркадьев 2015 с. 180].

3.4 Дополнительные замечания к состоянию категории вида, функционирующей в обиходном верхнелужицком языке

Изучив доступные нам работы, высказывающие и доказывающие часто несовпадающие, а порой и полярные точки зрения, в заключение мы бы хотели вынести и обобщить самые существенные для нас их положения, в т. ч. те, которые не были озвучены выше. Эти же положения послужат фундаментом для нашей практической части.

Наличие многочисленных задокументированных [Scholz 2007, Тоорс 1992] примеров употребления в «обиходном языке» глаголов, чьи наиболее близкие когнаты в близких славянских языках бы были причислены к глаголам СВ, в контекстах, не свойственных глаголам СВ ни в одном славянском языке [Аркадьев 2015 с. 95], привело нас к мысли о необходимости введения термина «прототипический (Н)СВ» (см. п. 3.2). Введением его мы стремимся задать направление к переосмыслению того, какие глаголы в в.-л. мы называем СВ, а какие – НСВ, если в ходе исторического языкового развития морфологические и контекстуальные ограничения, накладываемые на глагол его грамматическим видом, в ряде случаев снялись либо подверглись контаминации [Аркадьев 2015, Тоорс 1992].

Исследователями подтверждено, что в современном верхнелужицком глагол, образованный приставочным способом, может употребляться и в настоящем времени в актуально-длительном значении, и в том же значении в описании прошлых событий, а также применим для образования формы имперфектива [Scholz 2007].

Возможны эти глаголы и в других свойственных прототипическому НСВ контекстах – в качестве зависимого члена фазовых предикатов [Breu 2000]: *zaropa-l- napisac*.

Прототипический НСВ так же подвергся переосмыслению, что отразилось в его потенциале употребления. В частности, в ряде работ показано, что «вторичная имперфективация в немалой степени утратила продуктивность и была переосмыслена как средство выражения итеративности или дистрибутивности» [Аркадьев 2015].

II. Практическая часть

Глава 1. Материал, методика и цели

1.1 Материал

В качестве материала для практической части нашей работы мы выбрали литературное произведение, написанное на русском языке и художественно переведённое на верхнелужицкий носителем языка. Это рассказ Л. Н. Толстого «Бог правду видит, да не скоро покажет». Рассказ в силу жанровых особенностей и особенностей авторского стиля изобилует средствами художественной выразительности, среди которых синтаксис и морфология, в частности, особое обращение с видами глагола. Будучи сильным и тонко чувствующим стилистом, Л. Н. Толстой пользовался всеми доступными приёмами, чтобы воссоздать атмосферу провинциального быта конца XIX в. Как известно, речь русской провинции, особенно дореволюционных времён, характерна употреблением видов и вообще форм, не свойственных литературной норме. Писателю блестяще удалось это передать и тем самым живо изобразить естественную речь.

Перевод рассказа выполнен Михалом Шевчиком. Михал Шевчик (1870-1903) – верхнелужицкий священник, писатель, историк и публицист. Образование получил в Лужицкой семинарии и Малостранской гимназии в Праге. Образование и род деятельности дают нам основание предполагать, что М. Шевчик уверенно владел литературной нормой своего языка и, возможно, был знаком с кодификацией, в т. ч. правилами образования временных форм в зависимости от грамматического вида. Как мы увидим далее, при переводе М. Шевчик не только допускал вольные интерпретации исходного текста, использующие радикально отличные от оригинала синтаксические конструкции и лексические единицы, но и где-то добавлял целые пассажи. Всё это, в сочетании с эпохой, когда были выполнен перевод (конец XIX в.) и литературным предназначением его и оригинала, предопределяет использование художественного стиля в переводе. Таким образом, результаты нашего анализа будут прежде всего актуальны именно для этого стиля верхнелужицкого языка.

1.2 Методика

Метод, используемый нами – параллельный морфологический анализ, учитывающий контекст словоупотребления.

При помощи инструмента для семантической разметки текста (ПРИМЕЧАНИЕ) мы провели морфологический анализ русского текста, зафиксировали общее количество глагольных форм (включая глаголы в составе глагольных фраз, причастия и

деепричастия), затем мы провели автоматизированный подсчёт форм СВ и форм НСВ. После этого мы извлекли из переведённого текста все глаголы и глагольные формы и определили необходимые для нас грамматические признаки – грамматическое время, наклонение (если оно не изъявительное) и вид (прототипический). На основе полученных данных мы составили несколько сводных таблиц: распределение временных форм и наклонений в верхнелужицком переводе; распределение видовых форм в русском оригинале и верхнелужицком переводе; соотношение совпадений и несовпадений между оригинальной видовой формой и использованной в переведённом тексте (включая случаи, когда в переводе использовались альтернативные языковые средства). Результаты, представленные в сводных таблицах, приведены в основной части работы в виде графиков, и в виде исходных таблиц в приложении к работе.

При создании морфологической разметки для корпуса верхнелужицких форм и их последующей обработке нами были отобраны критерии, определённые как важные. Во-первых, мы рассматриваем формы не-изъявительного наклонения на одном уровне с временными формами изъявительного наклонения, чтобы иметь возможность построить статистику форм без дополнительного ветвления структур. Далее, немалую сложность при сопоставительном анализе представляет рассмотрение глагола «быть», который в русском языке имеет иное использование, чем в западнославянских, в том числе верхнелужицком. Так как это глагол несовершенного вида, и частотность его использования весьма высока, мы вынесли его в отдельную категорию, не относящуюся ни к СВ, ни к НСВ, что также отображено и на наших графиках. Наконец, при рассмотрении глагольной фразы мы исключали глагол в инфинитиве от глагола в личной форме только в редких случаях, в основном же мы обозначали и сравнивали форму финитного глагола.

Наш выборочный морфологический анализ верхнелужицкого перевода имел целью определить:

1. количество глаголов и глагольных форм в тексте
2. распределение грамматических времён в изъявительном наклонении
3. распределение употребления (прототипических) видовых форм
4. соответствие между видом глагола, употребленного в русском оригинале, и использованным в переводе языковым средством (если это глагол).

На основе полученных данных мы увидели, насколько строго переводчик придерживался литературной нормы в.-л. языка в формообразовании глаголов. Также

мы надеялись обнаружить некоторую корреляцию между формами в тексте на русском языке и на в.-л. Исходя из этого, мы сопоставили грамматическую оппозицию между видами глаголов в в.-л и в русском языке в эпоху перевода данного текста (конец XIX в.).

1.3 Цели

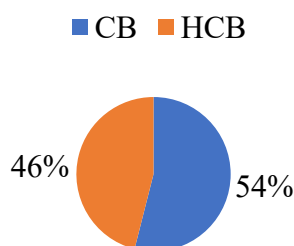
Мы полагаем, что посредством нашего сравнительного анализа мы сможем проверить на реальном языковом материале озвученные нами выше тезисы, ранее сформулированные другими исследователями. Также, вероятно, в какой-то мере этот подход поможет развить идею разработки нового взгляда на категорию вида в современном в.-л. языке и внесёт свой вклад в подготовку почвы для него.

Немаловажной задачей для нас также будет показать, какими могут быть различные средства, которыми решают одну и ту же коммуникативную задачу языки одной языковой семьи, развившиеся от общего предка и имеющие ряд морфологических сходств.

Глава 2. Общий анализ

2.1. Оригинал произведения – русский язык

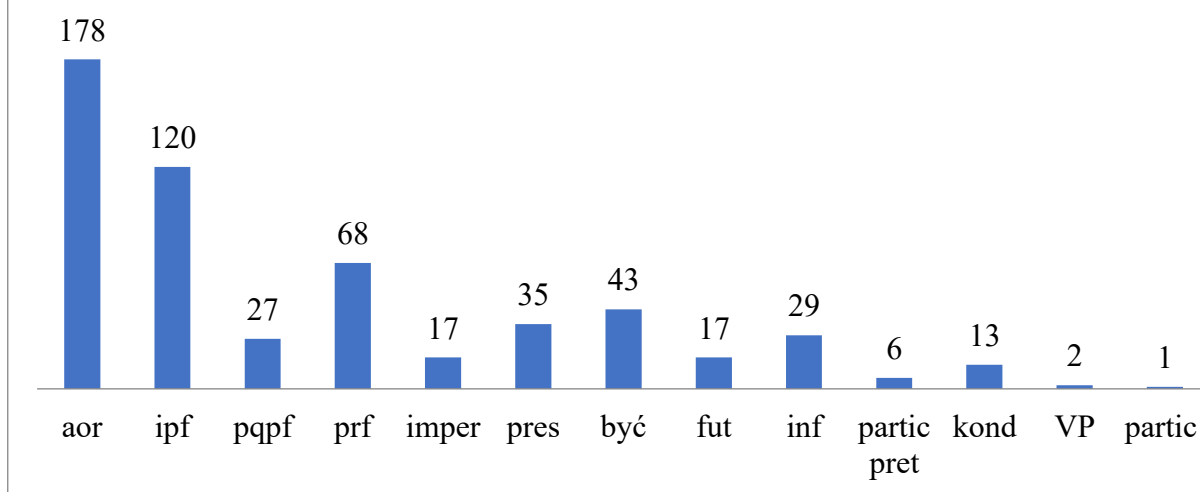
рис. 1. Распределение вида в оригинальном тексте

Алгоритм грамматической разметки текста выявил (прил. 1), что в рассказе Л. Н. Толстого, который мы взяли как основной источник материала для нашей работы, представлено всего 556 глагольных форм, включая причастия, деепричастия и глаголы в составе глагольных фраз, вводных слов и фразеологических оборотов. Из них 300 форм совершенного вида и 256 – несовершенного. В п. 2.3. мы подробнее остановимся на этом соотношении и составных элементах каждой из групп.

2.2 Перевод текста на верхнелужицкий язык

рис. 2. Распределение временных форм в переводе на в.-л.

Применяя описанную в предыдущей главе методику, мы получили следующие данные:

178 глаголов в форме аориста, 120 глаголов в форме имперфекта (не включая глагол «быть»), 27 глаголов в форме плюсквамперфекта (не включая глагол «быть»), 68 форм перфекта (не включая «быть»); 17 глаголов в повелительном наклонении; 35 глаголов в

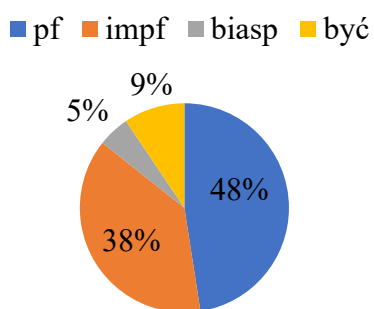
настоящем времени; 17 глаголов в будущем времени; 29 инфинитивов; 6 причастий прошедшего времени; 13 глаголов в сослагательном наклонении; 1 глагол в форме причастия не-прошедшего времени; 2 глагольные фразы; 43 глагола быть в различных временах и формах.

Как и другие исследователи [Brankaškes 2012], мы столкнулись с трудностями в определении омонимичных форм (прил. 2). В большинстве случаев при этом мы руководствовались контекстом и оригиналом на русском языке. Часто данный подход позволял добиться однозначности в определении формы. Процент оставшихся спорных случаев достаточно невысок, и в случае определения их как формы иной, чем определённой нами, общая картина будет изменена незначительно.

Неохваченными, как мы упоминали в главке 1, оказались инфинитные составные части глагольных фраз. Также мы не стали присваивать одному значению несколько аргументов – в частности, глагольным фразам одновременно временную форму и принадлежность к группе глагольных фраз. Эти ограничения были обусловлены задачами анализа – мы хотели бы, чтобы его результаты были точными, насколько это возможно.

У всех глаголов мы так же указали вид, где возможно, руководствуясь словарём [Трофимович 1976] и грамматикой М. Фаски [Faska 2003].

рис. 3. Распределение видов в переводе на верхнелужицкий язык

Помимо СВ и НСВ мы также добавили категорию «двувидовый» (“biasp”), преимущественно состоящую из форм глагола «грајес», и, как и при определении форм, отдельно выделили глагол *być*, являющийся глаголом НСВ [Трофимович 1976]. В результате мы увидели, что 48% использованных глаголов имеют СВ, 47% относятся к

НСВ, включая глагол «быть», и 5% составляют двувидовые глаголы. Как указано выше, в оригинальном тексте разница в соотношении выражена заметнее: глаголы СВ там составляют 54%, а глаголы НСВ, соответственно, 46%.

Хотя в целом разница между процентными соотношениями употреблённых видов в русском и верхнелужицком тексте выглядят близкими, при выявлении соответствия внутри каждой конкретной пары «слово в оригинале : перевод» выявляются более сильные расхождения.

При интерпретации форм, результаты которой представлены на рис. 3, только 80% глаголов, использованных при переводе текста на в.-л., принадлежат к тому же прототипическому виду, что и их эквиваленты в русском языке. Ещё 12% принадлежит к противоположному виду. Наконец, 8% вовсе не подлежат сопоставлению, так как переводчик использовал глагол для элемента, выраженного в русском языке при помощи других частей речи. Туда же относятся и фрагменты, полностью созданные переводчиком и не имеющие эквивалента в оригинале.

III. Заключение

Одной из своих главных целей работа имела дать обзор существующих в современной науке точек зрения на вид славянского глагола. В силу популярности данной темы в исследовательской литературе, дать полный и подробный обзор всех мнений и теорий в данной области не представляется возможным, поэтому мы не ставили перед собой такой задачи. Мы стремились лишь выбрать из существующей литературы наиболее, на наш взгляд, аргументированные тезисы, касающиеся спорных и неоднозначных морфологических аспектов глагола и представить эти тезисы в одном ряду, как потенциально дискутируемые. С этой задачей настолько, насколько позволяет формат дипломной бакалаврской работы, мы справились.

Так же мы хоть и кратко, но достаточно детально осветили проблематику трактовки вида глагола в верхнелужицком языке. Проанализировав мысли и идеи, высказанные рядом исследователей в глубоких и фундаментально проработанных трудах, мы предприняли попытку вычленив из них те, которые вызывают меньше всего расхождений среди учёных, а также те, которые отвечают нашему видению ситуации. Мы изучили также работы, объектом которых выступил современный разговорный (или же «обиходный») верхнелужицкий язык, и увидели, что их авторы своими выводами формируют положительный ответ на вопрос, заданный нами во введении: «можем ли мы сказать, что при образовании прошедших и будущих временных форм глаголы противоположных видов из взаимоисключающих превращаются в конкурирующие?». Поиск ответа на этот вопрос в текстах исследований привёл нас к предположению о том, что, возможно, на данный момент была бы актуальна реструктуризация подхода к восприятию и анализу глагольного вида конкретно в верхнелужицком языке. Выдвигая это предположение, мы, безусловно, осознаём, что оно сделано на основе слишком малого количества изученных работ и языкового материала и может быть ошибочным.

Наконец, мы на практике увидели, как реализуется категория вида в художественных текстах на русском языке и в их переводах на верхнелужицкий. Параллельный анализ форм утвердил нас в мысли, что, несмотря на историческую общность языков, на современном этапе в ряде случаев они используют разные грамматические средства для выражения одного и того же ментального концепта, в частности, по-разному действуют видовые функции глаголов.

Крайне перспективным и продуктивным показало себя сочетание когнитивного и ситуативного подхода к анализу проявлений грамматических средств в языке. Необычная для славянского языка по своей временной продолжительности, тесноте и языку-партнёру ситуация языкового контакта, в которой оказался верхнелужицкий, делает его исключительно занимательным объектом для исследования. Поэтому мы уверены, что исследовательская деятельность в данном направлении должна продолжаться и развиваться, и надеемся, что данная работа окажется в будущем полезной в этой области.